

ЛИНА МУР

ЛИНА

*50 и один шаг
назад*

МУР

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М91

Оформление — *Екатерина Петрова*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Мур, Лина.

М91 50 и один шаг назад : [роман] / Лина Мур. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 512 с. — (Неправильная любовь).

ISBN 978-5-17-112772-5

Я люблю его и не могу бросить, что бы он ни скрывал. Да и как можно его не любить? Ведь он невероятный мужчина, пусть и противоречит всем табу и проверяет мои чувства на прочность. Я согреваюсь в его руках и леденею с каждым новым днем изнутри. Я наслаждаюсь им и испытываю страх, но этот страх так возбуждает... Закончится ли наша история счастливо?

Чтобы познать его, необходимо двигаться назад. В темноте.

Чтобы еще больше любить его, требуется стать глухой и слепой к окружающему миру.

Шаг за шагом. В пучину мрака, который заставил его быть таким.

Дойти до конца и выжить. Хотя бы выжить...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-112772-5

© Л. Мур, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Чтобы познать человека, необходимо двигаться назад. В темноте. Чтобы еще больше любить его, требуется стать глухой и слепой к окружающему миру. Шаг за шагом. В пучину мрака, который заставил его быть таким. Дойти до конца и выжить. Хотя бы выжить...

Пятидесятый шаг

Когда-то я запретила себе мечтать о чем-то большем, чем отстраненная и преимущественно серая жизнь. Это время долго и крепко держало меня в навязчивом страхе, заставляя покорно ему подчиняться и отбрасывать все мысли о чем-то ярком. Но один человек, с которым я увидела свой максимум, которого поняла и приняла, забрал с собой мое прошлое. Он подошел так близко, что я увидела этот мир иначе — чувственно-ярким, наполненным борьбой и желанием идти дальше.

Когда-то я объясняла любовь как нечто глупое и примитивное. Теперь же имею иной взгляд. Можно разрушить любые свои табу, чтобы быть с одним мужчиной. Этот мужчина таит в себе боль и самую главную опасность для меня — опасность повторения прошлого. Но именно с ним я могу двигаться вперед. Жить. Улыбаться и верить. Остается только верить в себя, что хватит сил продолжить путь, даже если сердце находится в смятении от недавнего открытия. Любовь может быть острой, жалящей и необходимой, чтобы придать сил.

Глубоко вздыхаю от своих мыслей и наслаждаюсь прикосновением мужской руки, поглаживающей меня по волосам. Открываю глаза, хватаю Ника за окровавленную руку, лежащую на моем плече. По спине пробегает холодок.

— Ник, у тебя должна быть аптечка. Давай хотя бы промоем руку, вдруг там мелкие осколки? — Я отрываю голову от его плеча.

— Нет там ничего, приедем домой, и промою. Успокойся. — Он пытается уложить меня обратно, но я сопротивляюсь и сажусь ровнее.

— Авдруг есть? Это же несерьезно! — возмущаюсь я и замечаю, как знакомый «Эскалейд» останавливается перед нашим «БМВ».

— Отлично. — Ник первым выходит из машины, помогает мне, а затем берет мою сумку.

Из внедорожника выскакивает Майкл, ошарашенно смотрит на разбитое стекло, а следом переводит быстрый взгляд на нас.

— Мистер Холд, мисс Пейн, вы не пострадали? — испуганно спрашивает он.

— Нет, поехали. И вызови службу, пусть заберут машину, — бросает ему Ник.

Майкл только кивает и натянуто улыбается мне, кажется, понимая, что у нас произошел небольшой спор. Совсем небольшой. Я едва не упала в обморок, Ник покалечился, но те чувства, в которых мы честно и открыто признались, и те волшебные слова, что я услышала от Ника, того стоили.

Наверное, так будет всегда. Боль граничит с наслаждением, и это касается не только тела, но и души. За плохим неизменно придет что-то хорошее, это и есть реальный мир. Только вот следующее за такими взрывами спокойствие накатывает так сильно, что сил в теле попросту не остается.

Я забираюсь на заднее сиденье, и Ник тут же притягивает меня к себе, словно боясь, что я неожиданно передумаю и пойду до города пешком. Но мне не удастся сделать и шага от него, потому что, пока я лежу на его груди, глаза непроизвольно закрываются, а тепло и сила, исходящие от него, дают чувство защищенности.

Парадокс: человек заставляет чувствовать себя избитой изнутри и в то же время питает своей безграничной энергией.

— Майкл, я возьму ее, — слышу сквозь дремоту приглушенный бархатный голос Ника, и он подхватывает меня на руки.

Не хочу открывать глаза, ведь сейчас все так хорошо, что от этого становится боязно. Но я отгоняю эти мысли, обнимаю Ника за шею и оставляю на ней поцелуй.

— Проснулась? — шепчет он, когда мы поднимаемся в лифте.

— Нет, тебе кажется. — Я открываю один глаз и вижу его теплую улыбку.

— Мне нравится эта иллюзия, Мишель, но у тебя осталось на нее... ничего не осталось.

Дверь лифта открывается, нам навстречу выбегают перепуганная Лесли и мужчина средних лет.

— Мистер Холд, чем помочь? — торопливо спрашивает домработница.

Я становлюсь пунцовой оттого, что Ник продолжает крепко держать меня на руках.

Майкл довольно улыбается. Тайно... очень тайно он выражает симпатию, и это приятно до коликов в животе.

— Добрый день, Грегори, иди за мной, — обращается Ник к незнакомому мне мужчине, насколько я понимаю, врачу.

Пока Ник несет меня в спальню, я как полная идиотка продолжаю лучезарно улыбаться. Он бережно опускает меня на постель, и я безуспешно пытаюсь возразить, что моя одежда и ботинки в земле, но один его красноречивый взгляд, и я поджимаю губы.

— Мистер Холд, на что я должен обратить внимание в первую очередь? — спрашивает Грегори.

— Мишель... она... — Ник вздыхает и, сняв куртку, бросает ее на пол.

Понимаю, ему тяжело публично признаться в том, что произошло, и он тщательно подбирает слова, а я согласна на откровенную ложь. Согласна на все, только бы стереть с лица эту хмурость.

— Я ударилась... мм... спиной, — перехватываю я инициативу.

— Давайте тогда вы разденетесь до белья, и я осмотрю вас, — предлагает Грегори с улыбкой, и я, кивая, встаю с постели.

— Нет!

Резкий голос Ника заставляет меня замереть с пальто в руках. Мы с врачом поворачиваемся к нему, совершенно не понимая, к чему было это «нет!».

— Грегори, я толкнул девушку, а ты знаешь мою силу. Она ударилась позвоночником о дерево, затем чуть не упала в обморок и резко захотела спать. Пока мы ехали сюда, она дремала, — на одном дыхании говорит Ник, а я приоткрываю рот от удивления.

Наши взгляды встречаются, даже с метрового расстояния я вижу в глубине его выразительных глаз безмолвную боль. Не хочу, чтобы он раскаивался в этом, сама напросилась. А он... Я виновата, не стоило вообще открывать рот, расспрашивать его мать.

Да, ничего не надо было узнавать, а принимать его таким, какой он есть. Помочь ему оставить прошлое позади и начать новую жизнь.

— Я понял, мистер Холд. Я заметил, у вас повреждена рука. Пока я осматриваю девушку, промойте ее водой. Только промойте, и ничего более, — монотонно произносит Грегори.

Ник идет в ванную комнату и закрывает за собой дверь.

Пока врач достает из своего чемоданчика медицинские принадлежности, я раздеваюсь и аккуратно складываю одежду на постели. Он осматривает мою спину, спрашивает, где болит, как я себя чувствую. Четко отвечаю на все вопросы. Сейчас я хочу, чтобы все побыстрее закончилось и я осталась с Ником наедине, чтобы вновь уверить его — я в порядке.

Хотя вру. Я не в порядке. Он не в порядке. Все полетело к чертям. Буквально десять минут назад я чувствовала такой подъем внутри, а сейчас тяжесть.

— Можете одеваться. Я оставлю вам рецепт на мазь от синяков и успокоительное. Если вы почувствуете тошноту или головокружение, вам следует связаться со мной по этому номеру. — Грегори кладет на постель визитку, и я киваю.

Ник до сих пор находится в ванной.

— Я позову его. Он ударился рукой о стекло и... в общем, осмотрите и его.

Подхожу к двери и тихо стучу.

— Ник, — но ответа не следует.

Нажимаю на ручку и вхожу в комнату, но в ней никого нет. В гардеробную слегка приоткрыта дверь. Там я вижу Ника, стоящего у окна и смотрящего вдаль.

— Теперь твоя очередь быть облапанным, — наигранно весело говорю я, но он никак не реагирует на мои слова. — Ник, — подхожу к нему.

— Что сказал врач? — безучастным тоном спрашивает он.

— Все хорошо, ничего со мной не случилось, как я и говорила. Отделалась легким испугом.

Ник поворачивается ко мне.

— Ясно. Я приготовил тебе чистую одежду, можешь принять душ и переодеться. Как закончишь, я буду ждать тебя в гостиной. — Его тон, такой бездушный и сухой, сильно бьет по мне.

Опускаю голову и морщусь от неприятных ощущений.

— Зачем? — негромко спрашиваю я.

— Потому что твои джинсы...

— Нет, — перебиваю его и поднимаю голову. — Зачем ты снова становишься им? Зачем опять включаешь свои опции доминанта?

— Мишель, я он и есть, — жестко отвечает Ник и, обходя меня, идет к двери.

— Твои слова были ложью? — Я чувствую, как мои глаза обжигают слезы обиды, но сглатываю подступивший ком в горле.

Он останавливается, крепкие плечи под футболкой напрягаются.

— Нет. Я никогда не лгал тебе и не собираюсь.

— Тогда не поступай... не закрывайся от меня, Ник. Я ведь рядом, с тобой, и сама хочу этого. Только не отталкивай меня, как сейчас. — Я приближаюсь к нему.

— Ты глупая, — иронически усмехается он, а я задерживаю дыхание от этих слов и внезапно останавливаюсь в шаге от него.

— Что?

— Ты еще маленькая, чтобы понимать, какие последствия могли бы быть, если бы я применил хоть немного больше силы. Ты могла бы остаться калеккой. Первый раз в жизни чувствую себя полным уродом из-за того, что заставил тебя прийти ко мне. За то, что впустил тебя в свой мир... Когда первый шок прошел, я понял — не хочу быть тем, кто я есть. Только вот ничего уже не изменить.

Он оборачивается ко мне, и от страха услышать продолжение мое сердце бьется так сильно и громко, что оглушает меня.

— Нет, не смотри так на меня, крошка. Не смотри своими чертовыми доверчивыми глазами, которые сняты мне. Что ты сделала со мной, Мишель? Кто ты? Почему именно ты? Ведь я рассчитывал совершенно на иное, но... — Он замолкает, а из моих глаз катятся слезы. Ничего не могу с собой поделать и без остатка отдаюсь истинным чувствам.

Не понимаю его, ничего не понимаю. Эти качели... этот эмоциональный дисбаланс постепенно передается мне, и я едва могу стоять на ногах.

— Ты со мной, и это лучшее, что случилось со мной за всю жизнь. Знаю, тебе сложно принять меня, а мне принять то, что

у меня есть человек, засевающий не только в голове. Я теряюсь и впервые не имею понятия, как вести себя дальше после всего, что произошло. Подскажи мне, Мишель, подскажи, потому что в этом деле я новичок и сейчас настолько зол на себя, что мне необходимо время, чтобы подумать и решить, как действовать дальше. Я вижу твое бледное лицо и огромные глаза, полные печали, и хочу тебя обнять... Только вот эта нежная сладость меня раздражает.

Меня охватывает ураган разных чувств, и вырывается громкий надрывный вздох.

— Я могу обнять тебя, Ник, меня нежность не раздражает. А ты сделаешь вид, что терпишь это ради меня. — Я мягко улыбаюсь и шагаю к нему.

Обнимаю его за талию и кладу голову ему на грудь. Ник даже не шевелится, но мне хватает его быстро бьющегося сердца. Теперь оно живое.

— Ты моя крошка, прости, что я такой, — шепчет он и зарывается пальцами в мои волосы.

— Оставайся таким, потому что с другим мне будет скучно, — улыбаюсь я. Мое дыхание выравнивается. Душевное равновесие и новый шаг друг к другу. — Там врач ждет тебя, — вспоминаю я. — Он твой друг?

— Он... нет. Он работает на меня, хм... всегда присутствует во время сессией, на всякий случай, — медленно объясняет Ник.

— Понятно, — бормочу я.

— Встретимся в гостиной. — Он оставляет в покое мои волосы, и я, кивая, отступаю от него на шаг.

Его глубокий взгляд скользит по моему лицу и плавно опускается к груди, скрытой одним бюстгальтером. Мое тело моментально просыпается, дыхание опять сбивается.

Ник приподнимает уголки губ, понимая, что со мной происходит. Тонко чувствую, как мои мышцы сжимаются, и прикусываю губу, чтобы не выдать себя. Он приоткрывает рот, чтобы что-то сказать, но затем тут же закрывает, мотая головой, и вылетает из гардеробной.

Удивленно моргаю от такой реакции, а затем хмурюсь. Неужели он теперь будет бояться дотронуться до меня?

Сейчас я знаю точно: Ник чувствует ко мне нечто большее, чем обычное сексуальное влечение. И снова мне становится так

хорошо, что я обессиленно опускаюсь на диванчик и прикрываю глаза.

Я люблю его. Только вот не знаю, что такое любовь? И любовь ли это? Ведь, как и раньше, я верю в то, что любовь — химия между мужчиной и женщиной. Но тогда как объяснить, что мое сердце при виде Ника замирает, а все его чувства и переживания я ощущаю как отражение своих собственных? Как назвать невообразимое желание спрятать его за собой и никогда не выпускать из рук? Как описать словами то, что происходит внутри? Оказывается, это не просто химия. Это любовь, которой я опасюсь.

А что будет со мной, когда я ему надоем? Когда он поймет, что я всего лишь эпизод в его жизни и не более? Ведь он полноценен, а я нуждаюсь в нем.

Приняв душ, надеваю футболку и джинсы. Направляюсь в гостиную и понимаю, что мне чего-то здесь не хватает. Чего-то... кого-то. Шторм!

— А где Шторм? — спрашиваю я.

Ник приподнимается с дивана и ставит ноутбук на столик.

— Он на выставке. Каждые март и сентябрь он ездит в Монреаль за призами, — непонимающе отвечает он.

— Понятно. Мне он нравится. Никогда бы не подумала, что собаки такие клевые. Папа мне запрещал, как и мама, да и вообще мне все запрещали. А еще татуировки... у тебя они есть, и я хочу, а...

— Мишель, остановись! — Ник повышает голос, а я глупо моргаю, сама не ожидая от себя такого словесного водопада.

Куда меня понесло? Боже, какая я идиотка! Не желая, чтобы он понял, как я к нему отношусь, мое подсознание решило, что пора становиться полной дурой.

— Грегори дал тебе что-нибудь принять? Или это нервы? — Ник едва не смеется надо мной.

— Скорее, второе. Но все же, а больно их делать? — интересуюсь я, присаживаясь рядом с ним.

— Даже не думай. Мы еще не обсудили твой пирсинг, который мне не нравится. А о татуировке забудь, — отрезает Ник.

— А что с моим пирсингом? Он очень... очень сексуально смотрится на моем плоском животике. — Я задираю футболку и, довольная, демонстрирую колечко в пупке.

Поднимаю голову и встречаюсь с его горящим взглядом. Ник смотрит на меня с обольстительной улыбкой и с какой-то незнакомой до этого мягкостью и особой нежностью. От счастья я начинаю задыхаться.

— Лесли приготовила нам закуски и ужин. Я отослал ее в квартиру, чтобы мы остались одни, — сообщает Ник и закрывает ноутбук.

— Хорошо, — киваю я.

— Ты голодна? — спрашивает он.

Отрицательно качаю головой.

— Тогда мы сначала все обсудим, а затем поужинаем. Согласна?

Я снова киваю.

— Ты не против выпить бокал вина? Мне необходимо немного расслабиться. — Не дожидаясь моего ответа, Ник направляется к бару, достает бутылку и быстро наполняет два бокала.

Вот и пришло время поговорить, только я совершенно не знаю, что могу требовать от него. Я даже понятия не имею, какие у меня есть преимущества. На чем настаивать, что предлагать? Как это вообще происходит? Мы будем обсуждать произошедшее? Или же он просто выложит мне свои условия?

Господи, я не знаю, как остановить поток этих бредовых мыслей и взять себя в руки, как не бояться категорического отказа и принять реальность такой, какая она есть.

Сорок девятый шаг

Ник с мягкой улыбкой передает мне бокал, крепко хватаюсь за него, страстно желая влить в себя алкоголь. Возможно, это поможет мне немного рациональнее мыслить.

— Итак, то, что сегодня случилось, вышло за границы наших отношений. Поэтому, полагаю, настало время окончательно решить, как быть дальше, — медленно начинает Ник, а я ожидаю продолжения. — Я понял, что не смогу говорить с тобой о прошлом так, как обещал. Ты сама видела, что может случиться. А для меня это недопустимо. Ты знаешь обо мне больше, чем другие. И я... Мишель, помоги мне, чувствую себя идиотом, — фыркает он и выпивает половину бокала.

А начинал так уверенно! Я не могу сдержать тихого смеха от этой глупой ситуации.

— Ты не хочешь появляться со мной в обществе. Не хочешь, чтобы о нас кто-то знал. Ну, с тем, что ты скрываешь свои миллиарды, я уже смирилась. Я не могу предугадать, что и как у нас будет. Мы можем ходить в кино или в театр, если будем приходить и уходить по отдельности? Может быть, гулять? В городе немало мест, в которых не бывают наши общие знакомые. Я бы с удовольствием тебя сфотографировала. Наверное, будет лучше, если мы станем плыть по течению. Не знаю... — Я пожимаю плечами и отпиваю ароматное вино.

— Это то, что тебе интересно? Свидания? — напряженно спрашивает он.

— Приблизительно да.

— Ясно, с этим более-менее разобрались. Если у меня возникнут с этим трудности, узнаю у Райли. Все до тошноты сладенько. — Ник кривит нос, а я прыскаю со смеху.

— Секс, — продолжаю я, и Ник, кивая, откидывается на спинку дивана. Эта тема ему определенно нравится больше.

— Что вы можете мне предложить, мисс Пейн? — хитро прищуривается он.

— Себя. Я готова попробовать с тобой какие-то вещи, но без боли. Я... я просто не смогу, Ник. Для меня это препятствие, и у меня нет храбрости, чтобы перепрыгнуть его. Я знаю, что ты не можешь без этих своих сессий... но ты упоминал, там нет непосредственной близости, а только... только...

— Физические наказания, — подсказывает он, и я киваю.

— Да. Я не могу смириться с этим. Как только начинаю думать об этих девушках, о том, что ты с ними делаешь, меня начинает трясти от жуты. Не могу поставить тебя перед выбором, не имею права. — Я замолкаю и нервно провожу рукой по волосам.

— Ты хочешь, чтобы я официально отказался от своего мира ради тебя, — заключает Ник.

Я облизываю губы, с трудом сдерживаясь, чтобы не кивнуть. Хотя он всецело прав.

— Знаю, что это невозможно, — шепчу я, отпивая вино.

— Кто я для тебя, Мишель? Подопытный, на котором ты проверишь свои познания в психологии, пытаюсь вернуть его из

темноты на свет божий? Зачем ты хочешь изменить меня? — Он отставляет бокал и придвигается ближе, настойчиво требуя ответа.

— А зачем ты хочешь изменить меня? — Я с вызовом смотрю на него.

Ник прожигает меня взглядом.

— Кто я для тебя? — еще тверже повторяет он вопрос.

— Не знаю, но больше, чем любовник. Ник, да, я сильно волнуюсь за тебя. Да, каждый твой рассказ приводит меня в полуобморочное состояние. Да, я боюсь тебя, когда ты неуправляем. Да, я хочу быть рядом с тобой, потому что мне тепло. Ты мое внутреннее тепло, Ник... — Я улыбаюсь и глажу его по щеке.

— Сегодня день чистосердечных признаний, да? Хорошо, Мишель, я готов... готов усмирить собственного зверя, но пока не представляю как. Но у меня есть одно особое условие. — Он убирает мою руку от своего лица.

— Вставить кляп в рот? — живо интересуюсь я.

— Какие у вас познания, мисс Пейн, — смеется он. — Может быть, со временем вы разрешите мне заткнуть ваш очаровательный ротик, и, думаю, я легко смогу найти другой, более глубокий способ.

Его лучистые глаза снова наполняются магической силой и сексуальной энергетикой, и я зажимаюсь и отрицательно качаю головой.

— Я хочу, чтобы ты выбрала себе стоп-слово, Мишель, — серьезно произносит Ник.

Я отставляю бокал с вином и опускаю голову.

— Зачем? Я... мы же договорились... я не хочу, — выдавливаю я.

— Должна! — Он поднимает мой подбородок указательным пальцем.

— Почему?

— Ты должна иметь силу против меня. Я сросся со своим миром, которого ты так боишься. Я не услышу ни твои мольбы, ни слезы, ничего. Я привык к этому. И стоп-слово — единственное, что может остановить меня, если ты ощутишь боль. Не важно какую, даже душевную, как сегодня. Пожалуйста, Мишель, крошка... Я не хочу больше раскаиваться в том, что сделал. Не хочу видеть тебя такую, как сегодня. Я боюсь этого. Боюсь за тебя, и это сильно

бьет по мне. Мне кажется, я чувствую тебя. Твои слезы... твои глаза... мои. Словно это все мое. Ты моя. Помоги мне, Мишель. Помоги мне остаться с тобой. Сейчас меня трясет от желания причинить боль, так скажи стоп-слово. Забери меня, я так устал.

Я пытаюсь вздохнуть, меня переполняют разные эмоции и чувства к Нику. Мои глаза бегают по его лицу, искаженному безмолвной болью и в то же время взволнованному ожиданием.

Боже, способна ли я выдержать... быть с ним до окончательной победы и не сдаться? Ради него. Ради себя. Ник... он другой, он ведь совершенно другой. Когда мы с ним вдвоем, я не знаю, что произойдет через пять минут.

— Мишель, — шепчет он и закрывает глаза, но я успеваю прочитать в них острое разочарование.

— Теренс, — выпаливаю я, а Ник распахивает глаза. — Мое стоп-слово — Теренс, — уверенно повторяю я.

Ник отворачивается от меня, смотрит в темный экран телевизора, а затем вскакивает с дивана.

Вот говорила же, и пяти минут не прошло, а он завелся.

— То есть ты хочешь в постели называть имя парня, в которого была влюблена и который погиб? Ты откровенно издеваешься сейчас, Мишель? Потому что если это шутка, то у тебя отвратительное чувство юмора, — сердито цедит он.

— А ты уже собрался делать мне больно в постели? И нет, я не издеваюсь.

— Это к слову пришлось. Тогда внятно объясни мне этот выбор. Ты до сих пор его любишь? — Ник вновь садится на диван и опирается локтями о колени. Только сейчас замечаю, что рука у него забинтована. Надо же, я была так поглощена собственными эмоциями, что даже не спросила его об этом.

— Я любила Теренса как брата, но не как мужчину. Насколько я знаю, стоп-слово — это апогей твоей выдержки и болевого порога. Так вот, Теренс стал моим... мне было непередаваемо больно в ту ночь, а пережитый ужас я никогда не забуду. Поэтому если я произнесу это слово, значит, это мой максимум.

Он тяжело вздыхает и снова хмурится, тщательно что-то обдумывая. Я ничего не успела придумать, кроме имени бывшего парня, но сейчас четко понимаю, что это действительно мое стоп-слово.